

МАЛЫЕ ЖАНРЫ МЕМУАРНОЙ ПРОЗЫ ЭФФЕНДИ КАПИЕВА

SMALL GENRES OF MEMOIR
PROSE BY EFFENDI KAPIEV

Z. Ismailova (Sutayeva)

Summary: The diary prose of Effendi Kapiiev occupies a special place in Dagestan memoir and biographical literature. There are two main directions in Kapiiev's diaries: pre-war entries and front-line entries. The self-sufficient artistic value of the diaries, especially the "Front Records", is undoubtedly. The depiction of the war and its tragic cataclysms is reflected in the diaries in a variety of entries, distinguished by genre and thematic diversity. Thus, both memoir books by Effendi Kapiiev - "Dagestan Records" and "Front-line Records" - are a reflection of life at that time both in Dagestan and even in the country as a whole.

Keywords: diaries, "Dagestan entries", "Front-line entries", memoirs, style, memories, genre of diaries.

Исмаилова (Сутаева) Зарема Рамазановна

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадаасы ДФИЦ РАН
zarema.sutayeva@mail.ru

Аннотация: Дневниковая проза Эфенди Капиева занимает особое место в дагестанской мемуарно-биографической литературе. В дневниках Капиева два основных направления- довоенные записи и фронтовые записи. Само-довлеющая художественная ценность дневников, особенно «Фронтовых записей» несомненно. Изображение войны, ее трагических катаклизмов отражено в дневниках во множестве записей, отличающихся жанровым и тематическим разнообразием. Таким образом обе мемуарные книги Эфенди Капиева-«Дагестанские записи» и «Фронтовые записи»- отражение жизни того времени как в Дагестане и даже в стране в целом.

Ключевые слова: дневники, «Дагестанские записи», «Фронтовые записи», мемуары, стиль, воспоминания, жанр дневников.

Различные аспекты творчества Э. Капиева исследованы в литературно-критических работах и научных монографиях К. Султанова, А. Комескова, Х. Тамадаевой, М. Чудаковой, Л. Шиловой, Ш. Мазанаева, С.Х. Ахмедова, в работе Н. Капиевой «Жизнь, прожитая на белом». В них творчество писателя, его талант и художественные поиски рассматриваются как в связи с его творческой эволюцией, так и в связи с историей всей дагестанской литературы. Творчество его рассматривалось также в «Очерках дагестанской советской литературы», «Истории дагестанской советской литературы», «Очерках лакской советской литературы», в сборнике статей «Эфенди Капиев и его роль в развитии дагестанской советской литературы», в 3-х томной истории лакской литературы С.Х. Ахмедова и других работах.

Творчество Эфенди Капиева многопланово. Но в нашей работе мы остановимся на его дневниковой прозе. В ней можно выделить два основных произведения – «Дагестанские записи» и «Фронтовые записи». Они, конечно, сильно отличаются по тематике и целевой направленности, но объединяет их общий гуманистический пафос поэта Капиева, его любовь к родной земле и ее людям.

Вообще, жанр дневников, а писательских дневников в особенности, как уже отмечалось, имеет давнюю и глубокую традицию. Еще в истории античной литературы известны «Пестрые рассказы» римского софиста Элиана (III век до н.э.), а в японской литературе еще в X в. сложился жанр дзуйхицу, что в буквальном переводе означает «следующая кисти», «вслед за кистью». Записывать все, что приходит на ум, попадает на глаза, повинуюсь лишь одному движению души – будь то воспоминание или не-

ожиданная мысль, бытовая сценка или раздумья о жизни, о людях – это и есть дзуйхицу.

Таким образом, как автор писательских дневников Э. Капиев продолжает уже сложившуюся традицию. И в русской, и в европейской литературе уже в XIX веке появился жанр именно писательских дневников. Достаточно вспомнить братьев Гонкуров, оставивших обширные дневники, подробно освещавших французскую литературную жизнь, дневники Достоевского, который помимо личного дневника, ввел еще в русскую литературу особое издание «Дневник писателя», регулярно издаваемое им и ставшее рупором его политических идей, дневники Л.Н. Толстого, отразившие его духовные и творческие поиски.

Обращаясь же к дневникам Эфенди Капиева, нам представляется, что этот дагестанский поэт видел в них не столько общественно-политическую трибуну, потребность в которой он восполнял в другой деятельности, а способ выразить свои непосредственные впечатления, наблюдения, раздумья, мысли о творчестве.

Дневниковые фрагменты в «Дагестанских записях» Эфенди Капиева своего рода мини новеллы. Эти мини-атюры очень емки и Капиев, возможно, собирался в будущем развить их в более пространственные произведения. Здесь мы видим и сцены из жизни горцев, эпизоды из истории гражданской войны, а также фрагменты старинных преданий и легенд.

Так, в «Дагестанских записях» есть фрагмент, представляющий собой маленькое эссе о философии, миро-

восприятию дагестанских старейшин, выразившегося в словах: «И это пройдет» (Буда гечар) [1; с.469]. Это было в моменты каких-то трагических, страшных происшествий. Этот фрагмент из дневников Капиева отражает своеобразную философию жизни и самого поэта.

Капиев стремился понять первоначальный смысл слова, охватить многие грани его оттенков, прочувствовать силу и мощь, способность слова передать величие и простоту человеческого духа.

Расул Гамзатов в «Слове о поэте», вспоминая Э. Капиева, приводит также немало интересных наблюдений о дневниковой прозе Э. Капиева:

1. Двадцать записных книжек – и каждая из них человеческая и писательская биография Эфенди Капиева, его горячие и сокровенные размышления о человеке и времени.
2. Записи (о военных дневниках) Э. Капиева интересны оригинальными наблюдениями, касающимися этики, эстетики, быта, обычаев, правопорядка горцев в дореволюционном Дагестане» [2; с.32].

С.Х. Ахмедов также выделяет эту особенность «Дагестанских записей» Капиева, вбирающих в себя множество различных элементов – фольклор малых форм пословицы, поговорки, выдержки из книг различных мыслителей, мемуарные фрагменты, бытовые зарисовки, картины природы и т.д. [3; с.172].

В «Дагестанских записях» отразилась не только время, эпоха, жизнь страны, но, прежде всего, жизнь самого писателя, эволюция его мировосприятия и личности. В дневниках, например есть фрагменты, которые можно рассматривать, как отголоски гражданской войны. Эта трагическая веха в истории Дагестана не могла, конечно, пройти мимо поэта, вероятно, он собирался создать что-либо на эту тему, но не успел.

Впрочем, начавшаяся вскоре вторая мировая война обратила все мысли и устремления поэта к этой чудовищной катастрофе, побудило его внести свой посильный вклад в борьбу с вторгшейся в его страну вражеской армией. Записи военных лет вобрали в себя весь его гнев, боль и решимость борьбы, все трагическое и светлое в жизни страны.

Прежде чем непосредственно приступить к анализу «Фронтных записей» Э. Капиева, мы позволим себе обрисовать общий фон мемуарной литературы о второй мировой войне и причин, обусловивших ее появление.

Эпоха второй мировой войны, ее события и персоналии отражены в документах и свидетельствах очевидцев. Это, как уже упоминалось, запечатлелось в многочисленных мемуарных произведениях того времени.

Можно назвать хотя бы воспоминания Елены Скрябиной, увезенной вместе с детьми на работу в Германию, она тоже пишет о многих реалиях тогдашней войны, как в России, пережив блокаду Ленинграда, так и в Германии, работая на заводе. Нельзя не упомянуть также «Берлинский дневник» Марии Васильчиковой, которая была дочерью русских эмигрантов. Она жила и работала в Германии во время войны и была знакома со многими участниками немецкого сопротивления. «Берлинский дневник» Васильчиковой не может не восхищать своим прекрасным языком, великолепными портретами ее друзей, участников сопротивления, поражающими своей глубиной и психологической достоверностью. Автору «Берлинского дневника» присущ и тонкий юмор, но по мере развития войны и все большего усиления нацистской диктатуры и уничтожения сопротивления, юмор уступает место иронии, окрашенной горечью и страхом. Автор, М. Васильчикова, захваченная напряженной атмосферой войны и разрушений, тем не менее успевает заметить и почувствовать красоту окружающего мира. В «Дневнике» есть удивительные картины природы, резко контрастирующие с общей тональностью книги, тем не менее, очень точно передающие душевное состояние автора: «Ехала к родным (наступил конец войны, и Васильчикова ехала по Германии, занятой американцами, в уже в освобожденную ими Италию – З.С.) по прекрасным лесам горного массива Таунус. Тишина там полная, ощущение спокойствия и мира всепроникающее...» [4; с.312].

Есть, наконец, мемуары иного плана – «Вторая мировая война» Уинстона Черчилля, в которых много фактов, событий, документов, свидетельствующих о ходе войны. Тем не менее, даже в этих, казалось бы, сугубо документальных мемуарах, встречаются поэтические образы и сравнения. Так Черчилль сравнивает Лондон военных лет с доисторическим чудовищем: «Лондон походил на какое-то огромное доисторическое животное, способное переносить страшные раны, изувеченное и кровоточащее, и все же сохраняющее способность жить и двигаться» [5; с.463]. Эта метафора в воспоминаниях Черчилля многое говорит о нем, как о писателе и человеке.

Есть также множество воспоминаний о войне и в нашей стране, изданных еще в советское время. Это и воспоминания советских военачальников Рокоссовского, Василевского, Жукова, а также свидетельства писателей ученых и других людей о событиях войны, отразившиеся в их мемуарах. Это, например, «Блокадный дневник» О. Берггольца, а также воспоминания известного ученого Тимофеева-Ресовского (кстати, подтверждающие общемировой характер войны), который во время войны оказался в Германии, уехав оттуда еще в 20-е годы, куда его послали от нашей страны на научную работу по генетике. В Германии погиб его сын, участвовавший в движении сопротивления. Позже, правда, Ресовского

репрессировали за работу в Германии, но это уже иная трагическая веха нашей истории.

Дагестанская мемуарная проза также внесла свой ценный вклад в это многоликое собрание свидетельств о второй мировой войне. Это и воспоминания участников войны, не только военных, от солдат до генералов, а также медиков, спасавших раненых прямо на линии фронта. Не менее важны также воспоминания людей, чье детство пришлось на годы войны. Здесь можно привести «Записки военного врача» И.-М. Халилова, а также издание свода воспоминаний о детях войны – «Детство, опаленное войной. Дагестан 1941-1945гг. Воспоминания».

В этом срезе дагестанской мемуарной литературы, запечатлевшей трагические страницы истории, «Фронтвые записки» занимают особое место. И не только потому, что они наиболее достоверное свидетельство ушедших событий войны, так как создавались непосредственно в пекле войны, были фиксацией с места реалий войны. Но и потому, что это было свидетельство человека искусства, поэта, который острее пронзительнее чувствовал и видел ужасы, контрасты, парадоксы этого времени. Так, описывая полевой госпиталь, Э. Капиев замечает, что ужасало его даже не непосредственно вид изувеченных людей, а их последующая жизнь: «представляю этого милого, простодушного горца безногим, передвигающимся на улице на деревяшках, -и мною овладевает ужас. Нет, писателям все-таки нельзя смотреть вплотную в лицо войны...» [6; с.385]. В этих строках ощущается смятение поэта, охваченного противоречивыми чувствами – он чувствует свою нужность, необходимость, чтобы правдиво отобразить ужасы войны, но именно его чуткость, тонкокожесть приносит ему душевные страдания. Недаром А.Ф. Назаревич подчеркивал, что он в своих воспоминаниях о поэте не считает нужным «восстанавливать, что, когда и как говорил Эфенди. В своих воспоминаниях о нем умышленно избегаю цитирования по памяти слов и фраз Эфенди. Когда мемуаристы через двадцать-тридцать лет после встречи начинают строчить диалог – «я спросил» - «он сказал» - и это «он сказал» тянется, как в литературном сценарии десятками строк, я перестаю верить написанному: в «он сказал» я явственно ощущаю обороты, стиль, способ мышления, а иногда и уость мысли самого автора мемуаров»[7; с.240]. Этот фрагмент из воспоминаний А.Ф. Назаревича еще раз подчеркивает, в чем коренится преимущество «Фронтвых записей» Э. Капиева перед другими дагестанскими мемуарными произведениями о войне – непосредственной соотнесенностью сюжета с моментом и местом написания.

К тому же именно Капиеву с его литературным даром удалось отразить трагические реалии войны в наиболее совершенной и художественной форме. Здесь очевидно стремление автора даже в пору самых тяжких испытаний увидеть и почувствовать прекрасное, почувствовать

хрупкость и незащищенность мира. Особенно заметно это на тех фрагментах «Фронтвых записей», которые рисуют детей, птиц, животных. Это, кстати, еще очень важная особенность дневников Эфенди Капиева, как довоенных, так и в дневниках военного времени- множество упоминаний о животных. Для поэта, это совершенно очевидно, животные, птицы – это очень важная часть окружающего его мира, видна любовь к ним автора, его сопереживание к их боли и обреченности. Это и воробьи, и лошади, собаки, кошки и другие животные. Вот, например, пронзительная запись о воробьях: «На привокзальной скамейке воробьиная стая. Воробьи, видно, ночевали, где-нибудь на платформах или мусорном ящике – они взъерошены, черны и грязны, как замухрышки-беспризорники» [6; с.335]. Это сравнение воробьев с беспризорными детьми, которых много появилось в военное время, очень характерно для военных записей Капиева, так как сопоставление дети-животные нередки в его записях.

Как отмечал Г.Г. Гамзатов: «Проза, жизнь, в освоении которой состояла, в целом, эстетическая позиция Капиева, во всей наготе и широте предстала пред ним на войне. Повседневные будни величайшей и тягчайшей из войн отразил наблюдательный художник в знаменитых «Фронтвых записях», по праву вставший в один ряд с лучшими произведениями советской военной прозы <...>. Эта была трогательная песнь жизни, которая прозвучала капиевским гимном всеодолевающему человеческому мужеству... В этой войне Капиев проклинал античеловечность войны и презирал тех, кто посмел бы писать о ней легкой рукой» [7; с.4].

В своей замечательной книге «Дагестанско-европейские литературные связи» З.Г. Казбекова рассматривает военные дневники Э. Капиева в европейском восприятии, их отражение и осмысление в европейской печати. Так, в частности, З.Г. Казбекова подчеркивает, что «чем более мир «Записок» фрагментарен и разрознен, тем более он целостен и всеобъемлющ. В этом особое качество целого, воссозданного писателем» [8; с.310]. Суммируя обзор европейской печати, осуществленный З.Г. Казбековой можно привести некоторые выдержки из европейских авторов, в частности М. Шпаковской: «Деидеологизированная философия войны, будни ее, опыт отчаяния – эту мысль «Записок» поляки делают и видят основной, именно эта философия им близка и понятна». Эту цитату, пожалуй, можно сравнить с еще одной выдержкой из польских журналов: «В «Записках» Капиев представляет свой личный мир, свою интимную человеческую сущность, организуя диалог, где циркуляция ценностей проистекает от человека к человеку, от писателя к читателю, когда снимается национальный стереотип и остается живое существо человека – чем более близкое, тем более далекое» [8; с.320].

Хотелось бы отметить, что книга З.Г. Казбековой, ис-

следовавшая отражение книги Э. Капиева в европейском восприятии, еще раз подводит нас к мысли о наднациональном характере его записок и поистине апокалипсическом характере той чудовищной войны.

Следует отметить, что, помимо «Фронтовых записей», которые велись Э. Капиевым для себя, он писал и фронтовые очерки, публиковавшиеся в газетах. Стиль и назначение очерков и дневника, как уже отмечали ранее многие исследователи, например С.Х. Ахмедов в своей книге «Художественная проза народов Дагестана», были, конечно, совершенно иными. Если дневник был личным делом, то очерки выполняли пропагандистские задачи, должны были вдохновлять людей к победе. Уже по стилю они разительно отличаются. Если язык очерков отличает героический пафос, романтика, то стиль дневника сжат, лаконичен, сугубо объективен. Нечто подобное можно наблюдать, например, при истории создания И.А. Гончаровым «Фрегата «Паллады»». Если сравнить письма друзьям, написанным писателем во время путешествия на «Палладе» и описание тех же явлений и эпизодов уже во «Фрегате «Паллада», то ясно видна та метаморфоза, которую претерпели путевые впечатления из писем после переработки во время создания «Фрегата «Паллада». Если во время чтения книги путешествие воспринимается как занимательное и не особенно обременительное, полное забавных и курьезных эпизодов приключение, то из писем видны иные аспекты путешествия, где случались даже трагические моменты – гибель моряков, эпидемия тифа и другие катаклизмы» [9; с.724].

Но в творчестве Э. Капиева разность этих произведений – дневника и очерков, – объясняется не только разностью жанровых форм этих произведений – дневниковых записей и художественно-публицистических очерков. Как было сказано выше, Э. Капиев в своих «Фронтовых очерках» использовал романтический пафос, героику, стремясь выполнить необходимые для этого жанра и диктуемые законами военного времени пропагандистские и агитационные задачи. Они публиковались в армейских газетах Северо-Кавказского фронта в 1942-1943 гг., позже вышли отдельным изданием в 1944 г. Как писал в одном из писем сам Э. Капиев, некоторые особенности формы очерков объяснялись задачей и целью их создания – «срочно, оперативно, кратко передать необходимую информацию с поля боя». Позже автор, издавая их отдельной книгой, полагал не вправе себе их выправлять «задним числом» и выпускал их так, как они печатались впервые, в газетных публикациях. «Фронтовые записи» вместе с записными книжками других лет были подготовлены к изданию трудами его жены, Натальи Капиевой и изданы в Москве в 1956 г.

Об этом также писала в своей книге о Э. Капиеве его жена Наталья Капиева: «Первые военные очерки давались ему с трудом. Он много раз над ними работал, но

удовлетворения они ему не принесли, своя точка зрения, свои слова о новом герое еще не были найдены» [10; с.214]. Таким образом, из этих слов, очевидно, что и самому Капиеву претило его положение, когда он был частью пропагандистской машины, но другого способа быть полезным своей родине в тот трагический период войны он не видел.

Как мы уже отмечали выше, стиль «Фронтовых записей» иной, иной по форме, и по сути. Очевидно, это объяснялось отсутствием необходимости немедленной публикации, предназначенности дневников прежде всего для себя, они давали возможность Э. Капиеву выразить свои душевные впечатления, тот ужас перед разрушениями войны.

Конечно, мы не можем не заметить, что «Фронтовые записи» Э. Капиева также отражают идеологию и исторические реалии своего времени, выражающиеся, прежде всего, в несомненном присутствии самоцензуры. Именно она не позволяет автору передать всю правду о войне, хотя бы то, что автор не мог не знать. Таким образом, в его книге противостояние только между советскими людьми и нацизмом, сложных противоречий внутри самого советского общества он не касается.

М.О. Чудакова в своей книге о Э. Капиеве отмечает об этой особенности поэта, что он видел лишь прекрасное в довоенной жизни. Как писал сам поэт: «Я смотрел на мир как в зеркало и мир был прекрасен, озаренный лучами солнца. Но вдруг померкло все, черная туча нашла на зеркало, и мир угас». На наш взгляд, М.О. Чудакова очень верно характеризует здесь позицию Э. Капиева: «Не всякий из его современников видел мир таким светлым» [11; с.213].

В то же время надо отметить, что несмотря на это, на всю недосказанность дневников поэта, множества иных мемуарных книг о военном времени, «Фронтовые записи» Э. Капиева, тем не менее, сохраняют свое литературное и историческое значение. Сохраняют, благодаря несомненной психологической достоверности автора «Фронтовых записей».

Впрочем, очевидно, что Капиев, несомненно, осознавал трагическую неоднозначность своего времени, но осознавая, умел видеть и любить все светлое в его жизни, об этом свидетельствуют некоторые из его записей. Так, в одном из фрагментов он писал о своем детстве: «Мне представляется мое детство как румяное свежее яблоко на солнечном, покрытом чистой скатертью столе. Несмотря на горести и беды, на грязь, на все» [6; с.360]. Это выражение «несмотря на все» – очень характерно для жизни и творчества Э. Капиева, он видел и осознавал многое, если не все в окружающей его жизни, но писать об этом не мог. Редкий дар видеть и чувствовать красоту мира,

жизни придает особую теплоту всему его творчеству.

В то же время, несмотря на всю недосказанность, Э. Капиев смог выразить очень многое и в «Дагестанских записях», хотя и не называл прямо многие явления.

Изображение войны, ее трагических парадоксов передано во «Фронтowych записях» через множество записей, отличающихся жанровым и тематическим разнообразием – тут и голос автора, объединяющий все за-

писи, и свидетельства очевидцев, пейзажные зарисовки, порой резко контрастирующие с общей атмосферой хаоса и разрушения. Все это охватывает разные ракурсы войны – ее ужас, героизм, а порой малодушие и предательство.

Таким образом, обе мемуарные книги Э. Капиева – «Дагестанские записи» и «Фронтowych записи» – это своеобразная энциклопедия жизни Дагестана как довоенного, так и военного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капиев Э. Поэт. М., 1984.
2. Гамзатов Р. Слово о поэте // Воспоминания современников. Махачкала, 1975.
3. Ахмедов С.Х. История лакской литературы в 3-х томах т. 2, Махачкала ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2010.
4. Васильчикова М. Берлинский дневник. М., 1994.
5. Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991.
6. Капиев Э. Фронтowych записи // Избранное. М., 1979.
7. Назаревич А.Ф. Прикосновение к прекрасному // Э. Капиев. Воспоминания современников. Махачкала, 1975.
8. Гамзатов Г.Г. Гражданский и художественный подвиг Эфенди Капиева // Эфенди Капиев и его роль в развитии дагестанской советской литературы. Махачкала, 1981.
9. Казбекова З.Г. Дагестанско-европейские литературные связи. Махачкала, 2008.
10. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л., 1986.
11. Капиева Н. Жизнь, прожитая на белом. М., 1970.
12. Чудакова М.О. Э. Капиев. М., 1970.

© Исмаилова (Сутаева) Зарема Рамазановна (zarema.sutaeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»